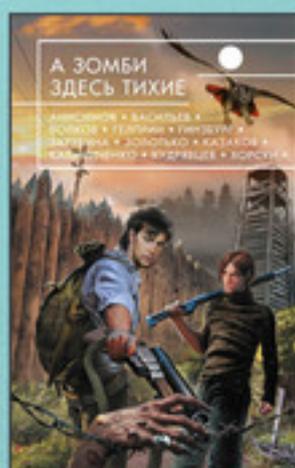


Юстина Южная

У Маши есть барашек..



*Часть сборника
А зомби здесь тихие (сборник)*



Юстина Южная У Маши есть барашек...

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972852

А зомби здесь тихие : фантастические повести и рассказы. : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65090-3

Аннотация

«...Анисья опустила трупик. Глазки девочки открылись, внимательно уставились на Анисью. Вместо плача слышался хриплый кашель. Повитуха вздрогнула, сглатывая комом застывшую слюну.

– Мать Божья. Жива, что ль?

Серая кожа... ни крика... ни вдоха... сердце и то давно не стучит...

– А-а-а!

Уронив девочку на кровать, Анисья вжалась в стену, истово перекрестилась.

– Знать, правду Глашка балакала! Лешачья дочь!...»

Юстина Южная У Маши есть барашек...

Тетка Анисья прижала ладонь сильнее, коротенькие пальцы впявились в живот. Тоня тихо ойкнула, дергаясь назад.

– Не порскай ты, погодь. – Ладонь прошлась с боков, подлезла под низ выпирающего пуза. Еще больше посмурнел взгляд. – Все, Антонина, не чую я его. Мертвенький как есть. Иль травки пей, чтоб вытолкнуть поскорее, иль езжай до Савиновки, оттуда, мож, кто до центра подбросит. Там дом родильный, говорят. Порезут тебя и вытащат дите, иначе гнить начнешь, как яблочки по осени.

Тоня шарахнулась в угол.

– Типун вам, Анисья Михална! Не мертвенький он... совсем нет!

– Да как же не мертвенький, когда и не толкается уж давно. Я, чай, не первого принимаю, знаю, что говорю. Пей отвар, коли к доктору не хочешь. Али помирать собралась?

– А вот и толкается! – с обидой в голосе воскликнула Тоня, обхватывая живот руками и отодвигаясь от тетки еще дальше.

– Дык сама ж сказала.

– Мало ли что сказала! Толкается, и все тут.

– Вот дура девка... – немедленно завелась Анисья.

Но баба Галя, до того стоявшая у стены, подхватила тетку под руку и поволокла на крыльцо.

– Пойдем, Михална, пойдем, дай ей вздохнуть-то, поплакать спокойно.

Вернулась Галина Дмитриевна уже одна, села рядом с дочерью. Скрипнула разохшаяся кровать. Тоня глядела в пол, машинально расправляя шерстяное платье.

– Ма... – пробормотала она. – Что ж делать-то?

Баба Галя вздохнула. До Савиновки добираться километров пятьдесят, не меньше. Телега с лошадьёю в их деревне только у дядьки Захара – а куда он поедет, ежели вторые сутки горькую хлещет? Как всегда по осени, началось у него. Теперь еще месяц не дождешься. В Савиновке-то машины есть, но не пешком же до нее топать. А оттуда до «центра» еще километров двести с лишним.

– Сама-то как? – спросила Галина Дмитриевна.

– Не хочу, – шепнула Тоня. – Живой он. Живой... наверное.

Баба Галя вздохнула еще раз.

– Может, и живой. Особенно, если отец его...

– Да нормальный отец. – Тоня вскочила, но тут же с кряхтением опустилась обратно. – Человек как человек... был.

– Ладно, ладно, – примирительно кивнула мать. – Утро вечера мудренее, завтра, глядишь, и разберемся.

До завтра ждать не пришлось. В ночи скрутило так, что Галина Дмитриевна, накинув поеденную молью кофтенку и сунув босые ноги в резиновые сапоги, побежала за теткой Анисьей.

– А говорила я, – ворчала та, подкладывая под роженицу чистую простынку. – Воду нагрела? Тащи сюды.

...Перерезав пуповину, Анисья подергала дите так и эдак, подняла за ножки, шлепнула по попе. Буркнула:

– Не дышит.

Тоня приподнялась на локтях.

– Кто там, тетя Анись? Ну скажи, кто?

- Девочка.
- Покажи...
- Не надо тебе.
- Покажи!

Повитуха сурово поджала губы, подняла младенца повыше. Серая кожа, ни крика, ни вдоха. Сердце и то давно не стучит.

- Поглядела, и будет тебе.

Анисья опустила трупик. Глазки девочки открылись, внимательно уставились на Анисью. Вместо плача послышался хриплый кашель. Повитуха вздрогнула, сглатывая комом застывшую слюну.

- Матерь Божья. Жива, что ль?

Серая кожа... ни крика... ни вдоха... сердце и то давно не стучит...

- А-а-а!

Уронив девочку на кровать, Анисья вжалась в стену, истово перекрестилась.

- Знать, правду Глашка балакала! Лешачья дочь!

Еще с полсекунды выпученными зенками она пялилась на моргающий труп и выско- чила за дверь.

- Что там? – Тоня потянулась к новорожденной.

- погоди, – решительно отстранила ее баба Галя. – Сначала тобой займемся.

Девочка лежала тихо, как мышка в мышеловке. Такая же серенькая и неживая. Жен- щины сидели рядом. Смотрели, как ворочаются туда-сюда прикрытые веками глазки, как шевелятся ручки с крохотными пальчиками землистого цвета. Время от времени баба Галя прикладывала руку к маленькой груди, но та не вздымалась.

Не дышит. Совсем не дышит.

– Ма, что ж делать-то? – слово в слово повторила Тоня вопрос, который уже задавала вчера. – Может, того... – голос у нее стал совсем слабым, – подушку на лицо? Мертвая же.

Баба Галя строго мотнула головой.

- Нельзя. Живая же.

- Так она ведь...

– Ты ж сама ребеночка хотела. Так хотела, что с первым встречным легла. Ну вот оно, дите твое.

- Так я доченьку хотела, а не... это.

Баба Галя уперла руки в бока.

– А она тебе не доченька разве? Чай, не двадцать уже, чтоб привередничать, к сорока дело. Может, и не родишь больше, бери, что Бог послал.

- Брать?

– Бери, бери, видишь, дите плачет, кушать небось хочет, а ты, мать-ехидна, даже к груди не поднесешь.

Девочка и впрямь плакала. Беззвучно, отвернув головенку от матери. Мокрые капли стекали по мертвым щечкам и падали вниз.

Во дворе раздался шум.

– Идут все-таки, ироды! – воскликнула баба Галя. – Ах, Михална, ну, змея прокляту- щая...

- Кто, мам?

Та ее не слушала.

– Так, дите к груди давай, – скомандовала она. – И не жмись, не жмись... – она сдернула рубашку с дочерней груди. – Мужики будут, пусть пялятся.

Выскочила на крыльцо.

Толпа из пяти мужиков и семерых баб ввалилась за калитку, потрясая вилами, дробовиками и самодельными факелами (электрификация всей страны до деревни, конечно, добралась, но понесла на этом пути значительные потери; да и правильной оно, с факелами-то, исконней!). Ввалилась громко, однако не очень уверенно и тут же замерла, завидев в руках бабы Гали старенькую охотничью винтовку.

– Чего приперлись, соседушки?

– Тык ведь это... чертенок у вас народился. Лешачья дочь! – заявил дед Лукьяныч. Самый смелый, видать.

– Сам ты черт лысый! Дите у нас как дите. Ну, серенькое, да, но живое же. А вам бы лишь воду мутить.

– А ты покажь! – крикнула, вылезая из-за спины мужа, Глашка, здоровенная бабища с серпом наперевес.

Вот стерва окаянная.

– А и глядите. Только вилы бросьте, не пуцу иначе.

Любопытство пересилило страх. Бабы и мужики осторожно потянулись в дом. Заходили и замирали на пороге. Тоня сидела на кровати, пугливо прижимая дочь к пухлой груди. Девочка мирно почмокивала губами. Тонкими, синенькими. Но чмокала же... И пахло от нее... да никак от нее не пахло. Ни мертвечиной, ни гнилью какой.

Новоявленные инквизиторы растерялись.

– Это, – наконец сказал Лукьяныч. – Тык обычная, что ль?

– Да глянь на нее, какая ж обычная! Подрстет, нас всех сожрет! – Глашка погрозила дитю вздетым кулаком.

– А ну мне тут руками махать! – прикрикнула на нее Галина Дмитриевна, качнув винтовкой. – Сама всех посожрешь скорее, чем девка Тонькина.

Бабы захихикали. Не в бровь, ой, не в бровь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.